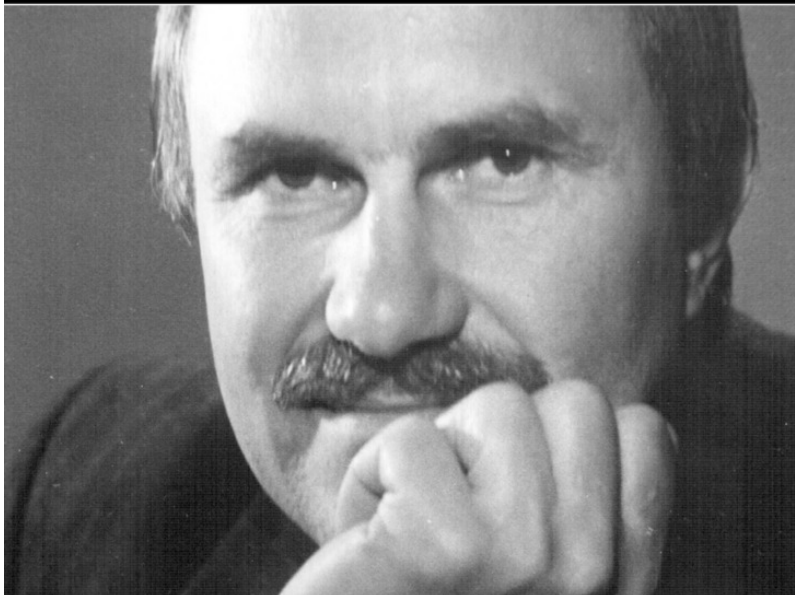

Петр Алешкин

Предательство

В борьбе за литературу

Петр Алешкин
Предательство. В
борьбе за литературу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22073667

ISBN 9785448342752

Аннотация

В произведениях Петра Алешкина всегда острые ситуации, конфликты с неожиданными поворотами, поэтому критики считают, что он привнес в русскую литературу новый прием – поток действия. В книгу включены документальная повесть «Предательство», критические статьи о руководителях Союза писателей, о писателях-реалистах «Группы-17», интервью о литературе, о кино, о молодежи и о себе.

Содержание

Союз писателей во мгле	5
Предательство	5
1. Завязка	5
2. Развитие действия	18
3. Развитие действия	30
4. Отступление	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Предательство
В борьбе за литературу
Петр Алешкин

© Петр Алешкин, 2016

ISBN 978-5-4483-4275-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Союз писателей во мгле

Предательство Документальная повесть

Жизнь сюжетна. И в этой истории есть своя завязка, развитие действия, кульминация и развязка. Все действующие лица реальные люди, ни одного вымышленного имени нет.

1. Завязка

В начале ноября 1989 года были у меня вечером московские прозаики Валера Козлов, Роман Федичев и Анатолий Кончиц. Я в то время возглавлял созданное мной литературно-редакционное агентство «Глагол», а Козлов с Федичевым были его членами. Мы только что выпустили книгу Сергея Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила», сдали в типографии книги Николая Бердяева «Судьба России», сборник документов и воспоминаний «Отречение Николая II» и альманах «Глагол». Дела шли успешно, и вечер мы провели в обсуждении издательских дел. Жена Кончица оформляла альманах. Гости собрались уходить, как затрещал телефон. Звонил секретарь парткома Московской писательской

организации Иван Уханов. Я был его заместителем.

– Петр, – сказал он, – сегодня секретариат был. Решили тебя предложить директором издательства «Столица». Как ты к этому относишься?

– Меня?! – удивился и засмеялся я. – Да вы что? Очумели?

– Ты подумай...

– И думать нечего! Вы тоже выбросьте из головы. Лучше Кравченко кандидатуры нет.

– Он отказался.

– Все равно, обо мне и речи быть не может...

Я положил трубку, ни на секунду не сомневаясь, что поступил правильно.

– Директором в «Столицу» предлагают, – смеясь, сказал я ребятам.

Признаться, приятно было, что мне предложили, и приятно, что я отказался.

– Зачем отказываться? Иди! – сказал Кончиц.

– На черта мне такой хомут, у нас свое издательство.

– «Глагол» – одно, а «Столица» – другое!

«А может, зря отказался? – мелькнула шальная мыслишка. – Нет, все правильно!»

Московские писатели двадцать лет добивались своего издательства, и наконец, Совет Министров СССР постановил – открыть! Теперь шли споры – кому быть директором? Говорилось о кандидатах и на заседаниях парткома, но никогда

не называлось мое имя. Обычно разговор шел о Ханбекове, главном редакторе художественной литературы Госкомиздата СССР, и о Кравченко, опытном издателе. Раньше он, кажется, был директором издательства «Книга». Через два дня должен был состояться Секретариат Московской писательской организации, на котором будут выбирать директора. Себя в «Столице» я не видел ни в какой роли. Все мысли мои были заняты «Глаголом». В нем я готовил к изданию два своих новых романа. Первый вот-вот должен был появиться в «Советском писателе». В «Глаголе» же я пытался реализовать себя как издатель.

Посмеялись мы, пошутили над моей кандидатурой в директора и распрощались.

– Ты смотри это... не согласишься! – сказал, уходя, Валера Козлов серьезным тоном.

– Что я, дурак! – уверенно ответил я.

А утром позвонил Виктор Павлович Кобенко, секретарь Правления Московской писательской организации, и попросил зайти к нему. Срочных дел в «Глаголе» не было, и я пообещал, зная наперед, о чем будет речь, и зная, что откажусь.

Кобенко человек грубоватый, энергичный, опытный советский администратор. Тогда еще чувствовал себя во всех хитросплетениях советской системы, как щука в озере. Это теперь он растерялся, будто в аквариум попал. Вроде бы та же вода, те же водоросли, та же тина, а куда ни ткнется – стенка. Посмотришь со стороны – та же энергия, тот же на-

пор, та же бодрость, а приглядишься – всё невпопад, растерянность, неуверенность в правильности поступков, подозрительность – как бы не обманули. Меня он, думаю, совсем не знал до той встречи. Встречались изредка на заседаниях парткома, а разговаривать не приходилось.

В кабинете он без обиняков сказал, что у секретарей мыслешка появилась: толкнуть меня в директора. Я ответил, что уже осведомлен и отказался, и отказ свой подтверждаю.

– Ты не торопись, подумай. Сейчас мне ни согласие твое, ни отказ не нужны. Завтра Секретариат, и утром Михайлов (председатель Правления МО СП РСФСР) с тобой поговорить хочет. Иди, думай!

Я ушел, стал думать. И начало свербить: почему не согласиться? Все-таки директор государственного издательства! И работа по мне – смогу! Сил хватит!

Жена моя встала на дыбы: «Не-ет!!! Поработал в „Молодой гвардии“, хватит! Никаких издательств! В „Глаголе“ дела хорошо идут, работай! В нем ты сам себе хозяин, а в „Столице“ восемьдесят начальников будет!»

Но свербило всё сильнее. Утром я был готов.

С Михайловым разговор был короткий, я согласился. И вот Секретариат, обсуждение кандидатур на должность директора. Начали с Ханбекова, главного редактора художественной литературы Госкомиздата СССР. Секретари выступали, хвалили его так, что я краснел, вжимался в кресло, чтоб стать незаметней, клял себя за то, что притащился сюда.

Стыдно будет перед всеми, когда выберут Ханбекова: мол, разгубастился я, прилетел на Секретариат, директором захотелось стать. По тому, что говорили о Ханбекове, лучше кандидатуры и быть не могло. Я и сам бы с удовольствием проголосовал за него. Следующим шел Мезинов, бывший секретарь парткома МО, хорошо знакомый всем секретарям человек. История повторилась. Его хвалили, а я вжимался в кресло. И третьего – Игоря Ляпина, бывшего главного редактора издательства «Детская литература», и четвертого – Владимира Цыбина, известного поэта, приняли на ура. Я успокоился, смирился, что директором не стану, приготовился перенести неудобство поражения. Радовало то, что почти никто из секретарей меня не знал, да и лица большинства присутствующих мне незнакомы. Очередь дошла до меня.

Михайлов представил меня, рассказал, как уговаривали. Я видел, что разглядывают меня с доброжелательным интересом. Началось обсуждение. И тут я услышал о себе столько хорошего, что ни до этого, ни после никогда не слышал. Оказалось, что кое-кто знал о моей кооперативно-издательской деятельности. Не знаю, искренне ли говорили обо мне хорошие слова, или, узнав, что начальство склонно видеть директором меня, потрафляли ему. Скорее всего, второе.

Дали слово кандидатам. И тут оказалось, что из пятерых присутствую только я один. Я поднялся, сказал, что не сразу согласился, что размышлял долго, пока не решил для себя, что смогу.

Голосование. И новая неожиданность. Все секретари единогласно проголосовали за меня.

Итак, я директор нового издательства. Начинать работу с 1 января 1990 года. Впереди полтора месяца. Ночами я думал о будущей работе, планировал, что сделать, чтобы быстрее пошли книги. На заседаниях парткома, когда обсуждались будущие дела издательства, говорилось, что, если будет издано в первом году работы книг десять, и то хорошо. Я же для себя поставил задачу издать сорок книг, но требовал потом, чтоб издали шестьдесят.

Московские писатели, создавая новое издательство, хотели построить его работу по-иному. Во главе должен был стоять не директор, а главный редактор. Это первое отличие издательства от существующих. И второе. Хотели сделать правление работающим постоянно, чтобы писатели были хозяевами в издательстве, чтобы каждая рукопись была под их контролем. Правление было избрано раньше, чем директор. Выборы проходили шумно, бурно, со спорами, обидами. Оставалось избрать главного редактора.

Я знал, что на пост главного редактора три кандидата: Игорь Ляпин, Владимир Цыбин (о них я уже упоминал) и Леонид Бежин. Бежин – один из главных героев моего повествования, потому и скажу о нем побольше. Мы с ним одноклассники. Десять лет считались друзьями. Познакомились в литературном объединении «Зеленая лампа» при журнале «Юность». Оба посещали семинар Андрея Битова – Влади-

мира Гусева. Мы были тогда молодыми литераторами, выпустили по одной книге. Я только что переехал в Москву и работал плотником в РСУ, а он – филолог, кандидат наук – научным сотрудником в институте. Я провинциал, крестьянский сын, а он коренной москвич, внук Арбата. Я внимательно следил за новинками литературы, особенно молодой, слышал о нем, читал его книгу. Встретились впервые на занятиях семинара. Меня поразило, что выступал он как-то академично, монотонно, правильно и суховато. Кстати, в «Зеленой лампе» я приобрел близкого друга, с которым теперь провожу много времени, утешаюсь при неудачах. Это Валера Козлов. Сейчас он член Союза писателей, чудесный прозаик, художник слова. Но, к сожалению, мало пишет.

Познакомился я в «Зеленой лампе» и с Петром Паламарчуком. Как и Бежин, он внук Арбата и кандидат наук. И Валера, и Паламарчук будут многократно появляться в моей истории, потому я и знакомлю вас с ними. Но продолжу о Бежине. Как видите, жизненный опыт у нас разный, писали о разном, характеры тоже разные: я эмоциональный, вспыльчивый, несдержанный, а он спокойный и, как мне казалось, интеллигентный. Я не знал, что интеллигентность – это состояние души, а пронизательностью, умением заглянуть в душу человека я никогда не отличался. И так был нелепо воспитан, что считал всех, с кем знакомился, добрейшими людьми, что никто мне никогда зла не сделает. И знаете, почти до сорока лет мне никто никогда не делал зла. Ви-

димом, мне везло на друзей и знакомых.

Общего у нас с Бежиным было мало, но нас сближал общий друг Георгий Караваев. В этой истории он никакого участия не принимал, и называть я его не хотел, хотя человек в литературных кругах он известный. Судьба у него тяжелейшая, но, несмотря на это, он жизнерадостный, веселый, открытый человек. Без комплексов. Когда я вспоминаю о нем, на душе становится светлей, веселей. Он рассказал мне, посмеиваясь, что жена его родила второго ребенка и заявила, что не выйдет из больницы с ребенком, если он не порвет с Бежиным. И ему пришлось дать слово жене, что с Бежиным он больше никогда не встретится.

Я воспринял это как курьезный случай, как бабский каприз, посмеялся вместе с нашим общим другом и забыл.

Вскоре второй случай произошел. В то время я, будучи заведующим редакцией в издательстве «Молодая гвардия», затеял альманах, где в одной из рубрик знакомил читателей с творчеством молодых писателей. В первом же номере я хотел рассказать о Бежине: напечатать интервью с ним и большую критическую статью обо всех его публикациях. С этой целью я послал к нему молодую журналистку, толкового критика. Она поговорила с Бежиным и, вернувшись от него, сказала с каким-то отвращением: «Какой мерзкий человек! Фу! Зачем ты о нем печатать хочешь?..».

Я не придавал никакого значения и ее словам, подумал, вдруг он, холостяк, попробовал как-то неуклюже поухаживать

вать за молодой обаятельной журналисткой, и это вызвало в ней отвращение.

И был третий звонок... Это я сейчас их вспоминаю и анализирую, а тогда я их напрочь отбрасывал, забывал. Сидели мы на пленуме Московской писательской организации, где избирали главного редактора. Я рядом с Валерой Козловым, а Бежин впереди нас с нашим общим другом, жена, которого так не хотела, чтобы он виделся с Бежиным. Я был поглощен спорами о кандидатах, страстно желал, чтоб главным стал Бежин. Болел за него, перебрасывался с ним шутками. И вдруг Валера, зная, что я болею за Бежина, сказал мне тихо:

– Ты обрати внимание, как от него воняет! Какой он весь засаленный, непромытый... Смотри, человек внешне нечистоплотный, нечистоплотен и внутренне...

Сергей Марков, Петр Алешкин и Валерий Козлов

Я на такие мелочи внимания не обращал, в отличие от Валеры, который наблюдателен, тонко подмечает детали в человеческом характере, слова, мелкие поступки и соединяет их, потому и судит о людях более точно, чем я. И я снова отмахнулся и забыл об этом замечании.

В первый день никто из претендентов на главного не набрал нужного количества голосов, а во втором заходе выиграл Бежин. Я радовался.

К этому времени, не дожидаясь, когда официально вступ-

лю в должность, я начал действовать как директор, хотя никто не заставлял меня делать это, мог бы и подождать начало нового года. Но нужно было открывать счет в банке, заказывать печать, а для этого необходимо пройти массу бюрократических процедур, нужны Устав и другие документы с подписями главного бухгалтера, которого не было, и было неизвестно, когда он появится.

Устав нужно было утверждать на Правлении и Секретариатах, которые не каждый день собираются. Я действовал так: взял Устав издательства «Современник», вместо слова «Современник» поставил «Столица», перепечатал, уговорил подписать секретарей и сдал Устав в милицию и в банк, открыл счет и получил разрешение на изготовление печати. Тогда это было не так просто, как сейчас. Все документы за главного бухгалтера подписывал Бежин. Образец подписи Бежина как главного бухгалтера сдали в банк. Он подписывал все платежные документы в течение месяца, пока в феврале не появился настоящий главный бухгалтер, правда подписывал он своей настоящей фамилией – Бадылкин. Бежин – псевдоним. Но в дальнейшем он, по-видимому, совсем откажется от отцовского имени. Сужу об этом по тому факту, что жена его, моя секретарша, станет не Бадылкиной, а Бежиной.

Оформляя издательство, я одновременно добивался фондов на бумагу. Заказ нужно подавать в Госплан еще в марте, все сроки вышли, но я узнал, что утверждает заявки Госплан в ноябре, побежал в издательство «Советский писа-

тель», взял там бланки заявок на бумагу, заполнил их аж на три тысячи тонн и в Госплан. Там сказали, что через два дня утверждение. Успел, повезло, выделили. Но дали всего семьсот сорок тонн. Рад был и этому.

В эти же дни я самостоятельно готовил к изданию первую книгу. Я нацеливался издать в «Глаголе» книги историка Ивана Забелина. Одна – «История города Москвы» – как раз подходила для «Столицы». Михайлов одобрил, правление утвердило, и я снова в «Совпис», заказал оформление, техническую редактуру и стал искать типографию. «Детская книга» согласилась печатать за восемь процентов от номинала. Баснословно!

А издательство официально еще не приступало к работе. Спешно набирались кадры. У меня для этого не было времени, и занимался кадрами Бежин. Я не хотел брать в штат редакторов, они могли работать внештатно. Набирали заведующих и младших редакторов. Неожиданно для меня заведовать исторической редакцией пожелал Петр Паламарчук. Я не думал, что он пойдет ко мне заведующим.

Пора познакомить вас с еще одним действующим лицом, возможно, главнейшим в этой истории. Сергей Панасян, член Союза писателей, старший редактор издательства «Советский писатель». Внешне он типичнейший армянин, спокойный, молчаливый и, как считает он себя, очень хитрый человек. Познакомился я с ним в издательстве «Молодая гвардия». Туда я пришел работать, а он собирался ухо-

дить из той же редакции в «Советский писатель». Познакомились, подружились.

Прежде я был плотником, в редакторской работе ничего не понимал, всех редакторов слушал, разинув рот, а его тем более. Но он больше говорил со мной не о тонкостях редакторской работы, этому я учился у других, говорил он о психологии взаимоотношений редакторов с авторами, с другими редакторами, с начальством. И потом, когда он заглядывал к нам из «Совписа», мы подолгу разговаривали с ним.

Позже он станет редактором моего романа «Заросли», который вышел в те дни, когда я стал директором и «Столице» потребовался заместитель главного редактора. На этой должности хотелось иметь единомышленника, и я через нашего общего друга закинул Бежину имя претендента на зама – Панасян. Бежин пришел ко мне советоваться: не взять ли ему себе заместителем Панасяна. Я одобрил.

На первое заседание правления издательства я шел, волнуясь: как встретят, как отнесутся ко мне писатели? Сумею ли я с ними сработаться? Не отторгнут ли они меня? Сказать мне уже было что. Бумагу я добыл, переплетные материалы, кроме картона, тоже.

Делал я так: подсчитывал, сколько мне нужно было бумвинила, фольги, форзаца, потом умножал на три и делал заявку в Госкомиздат. Там заявку рассматривали, делили мой запрос на три и выделяли. И все довольны: они, что урезали, а я, что получил, сколько хотел.

Я выступил на заседании, рассказал о сделанном, о планах: вижу – одобряют. Я хотел, чтобы работа в издательстве шла гласно, чтобы каждый шаг наш был виден Правлению. Решили каждый месяц собираться и обсуждать дела издательства, решать, утверждать. Неожиданно подняли вопрос о власти: Анатолий Афанасьев спросил, кто будет первым лицом в издательстве: директор или главный редактор?

Михайлов, он на первых собраниях Правления присутствовал, ответил, что директор отвечает за все дела издательства. Вопрос этот замялся и больше не поднимался. Позже Валентин Устинов скажет мне, что писатели хотели, чтобы издательство возглавлял главный редактор, а директор отвечал только за хозяйственные дела, но я взял всё в свои руки. В конце первого собрания Правления я понял, что писатели ни капли не разбираются в издательских делах, у многих нет желания глубоко влезать в них, и мешать они мне не будут, утверждают все, что я предложу, лишь бы обоснование мое было ясным, четким и понятным каждому. Я успокоился, почувствовал себя уверенно и не ошибся.

2. Развитие действия

Началась веселая жизнь! Помещение на Писемской, теперь Борисоглебский переулок, где мы должны были сидеть, весь январь ремонтировалось. Собирались сотрудники издательства один раз в неделю в Московской писательской ор-

ганизации. Нас было уже немало. Я не хотел брать редакторов, но как-то получилось, что то одного, то другого предлагал Бежин, я соглашался, некогда было вникать.

Основные вопросы – снабжение, производство – были на мне, никто в эти отделы работать к нам не стремился. Зарплату нам установили на уровне семьдесят четвертого года. Технические работники получали сто десять рублей. Кто пойдет на такую зарплату? Мне приходилось самому мотаться по городам. Сыктывкар, Балахна, Электросталь, Киев, Ленинград, Чехов – из города в город, из типографии на бумкомбинат. И удивительно: мне почти все удавалось. Заключение договора на поставку бумаги и картона по госцене. Нашел типографии.

Уже в марте, через два месяца после начала работы, вышла первая книга: «История города Москвы» Ивана Забелина. Еще через месяц – вторая: «Библия для детей». О «Столице» заговорили. Я начал активно переводить издательство на аренду, чтобы повысить сотрудникам зарплату. В мае мы подписали договор об аренде.

Жизнь в «Столице» кипела. Кабинет мой всегда был забит людьми буквально со всех концов страны. В городе Уварове Тамбовской области я покупал ангар, чтобы поставить в Москве склад для хранения бумаги, которая шла к нам вагонами из Балахны, Пензы и Сыктывкара; химзавод того же города поставлял нам два вагона гидросульфита натрия для обмена в Соликамске на бумагу; заключал договоры с Ми-

чуриным кирпичным заводом на поставку кирпича тоже для обмена; пробивал землю под Москвой под дачные участки для сотрудников; в Кисловодске покупал дом для отдыха сотрудников; с ВАЗом заключал договор на поставку «Жигулей» сотрудникам; выбивал помещение для издательства (о, как это было трудно!); искал сотрудников в технические отделы издательства. А сколько авторов бывало у меня ежедневно! В эти же дни я организовывал журналы «Русский архив», «Нива», «Фантастика» и газету «Воскресение»; учреждал малые предприятия по всей стране...

О журналах и малых предприятиях расскажу чуть подробнее. В то время в стране начали появляться первые независимые газеты и журналы. Закона о них пока не было, но они уже не запрещались. Журнал – это моя давняя мечта. Теперь можно было ее осуществить. Я решил возродить Бартеневский «Русский архив». Пригласил к работе над ним Ирину Смирнову, историка, архивиста. И вдвоем потихоньку начали собирать первый номер.

Однажды Смирнова прибежала ко мне в панике: случайно узнала, что еще два издательства работают над журналом «Русский архив», и якобы в одном из них книга сдана в производство. «Надо опередить!» – взвился я. Застолбить журнал за «Столицей», дать первыми рекламу! Номер был быстро сверстан, радио дало почти часовую беседу со мной о журнале, а по телевидению мы выступили вместе со Смирновой. Первый номер журнала вышел за три месяца.

Когда появился Закон о печати, мы сразу зарегистрировали и «Русский архив», и «Ниву», опередив издательства, которые пришли с заявкой после нас. Первый номер «Нивы» вышел попозже. Цену мы установили три рубля за экземпляр, а с лотков он продавался за тринадцать. Очень хотелось мне иметь свою газету, но если журнал я мог делать сам, работа знакомая, то опыта газетчика у меня не было. Нужны главный редактор и журналисты. Знакомых газетчиков у меня не было. Мне порекомендовали человека, имя которого я слышал впервые. Но другого не было, и я согласился попробовать.

Газета начала выходить, но не такой я видел ее. Мне представлялась она веселой и боевой, ироничной и тонкой, зубастой и умной, независимой и культурной, главной темой ее должна стать жизнь русского народа. Я надеялся, что газета окрепнет, развернется. Руки у меня совершенно не доходили до нее. До третьего номера, на мой взгляд, она потихоньку шагала вверх, появились читатели. Звонки, письма. Потом застыла на месте, стала односторонней, и я отпустил ее на свободу, смирившись с неудачей.

Малые предприятия. О них заговорили в стране, стали поддерживать. И однажды мне пришла мысль, что под видом малых предприятий в городах России можно возродить закрытые Хрущевым областные издательства. Сколько обращений к правительству слышали трибуны писательских съездов и пленумов, но правительство безмолвствовало. А я

спокойно и тихо начал открывать малые предприятия-издательства:

Липецк, Тамбов, Мурманск, Калининград, Тула, Курск, Харьков и т. д., было создано тринадцать издательств и два акционерных общества. Все они получили от «Столицы» деньги для развития. Одни из них за год окрепли, прочно встали на ноги, издают книгу за книгой, другие туго, медленно развиваются. Это зависит от характера, предприимчивости руководителей и местных условий. Мне мечталось о мощном издательском концерне, где в центре стоит «Столица» с ее журналами и газетой и филиалы ее по всей стране. Каким-то образом о деятельности «Столицы» узнавали зашевелившиеся предприниматели, и вряд ли найдется хоть одна область России, представители которой не побывали в моем кабинете. Со многими завязывались деловые отношения.

А скольких новых организаций «Столица» стала соучредителем! Ассоциация книгоиздателей (АСКИ), Союз арендаторов и предпринимателей, «Россия» – по связям с зарубежными соотечественниками, «Русская соборность» и т. д. и т. п. Написал я это, и пришла мне в голову ироническая мысль: вспомнить и перечислить все свои титулы-должности, или как там их еще можно назвать, даже не знаю – в общем, то, что обычно пишут на визитках, по состоянию на первое января 1991 года. Начал вспоминать и офигел! Записываю не по важности, а по тому, как вспоминалось:

директор издательства «Столица», член Союза писателей СССР, член Правления Союза писателей РСФСР, секретарь Правления Союза писателей РСФСР, главный редактор журнала «Русский архив», член редколлегии журналов «Московский вестник» и «Нива», президент акционерного общества «Голос», член правления акционерного общества «Толика», член Правления ассоциации «Россия», член Правления Международного фонда «Русская соборность». Член, член, член...

Пишу эти строки спустя год, а кажется, давно это было! И каким интересным, насыщенным было то время. Ни дня покоя, ни часа отдыха! Удивительный год! А сколько сделано! Вспоминаю сейчас и удивляюсь: неужто все это уложилось в один год?

Да, за один год удалось организовать, поставить на ноги новое издательство. Создать на пустом месте и так, что о нем заговорили. Что же было сделано? Мы получили ордер на большое помещение на улице Горького неподалеку от Кремля, рядом с Центральным телеграфом, начали строить свою типографию, купили дом в Кисловодске, почти получили землю в Нарофоминском районе (облисполком подписал все бумаги), три склада ломались от бумаги, купили и привезли ангар под склад, о журналах, малых предприятиях и газете я написал.

Да, начало было энергичным, мощным, красивым, а кончилось все крахом! Крахом еще более стремительным, чем

рождение издательства. Я не почувствовал, не увидел начало разложения, исток будущего краха. Не заметил лишь потому, как понимаю теперь, что по отношению к людям я романтик.

Да, я знал из книг, из газет, что есть негодяи, есть преступники, есть злодеи, есть доносчики, но я никогда не верил, что мои знакомые, друзья, окружающие меня люди могут быть завистниками, подлецами, доносчиками, я не верил, что мои знакомые могут сделать мне подлость, ведь я всем желаю добра, стараюсь делать все, что в моих силах, чтоб всем вокруг меня было хорошо. Разве найдется хоть один человек на земле, который может сказать, что я сознательно сделал ему какую-нибудь пакость?

Я мог кого-то нечаянно обидеть словом, шуткой, но из-за этого врагами не становятся. Мне всегда казалось и кажется до сих пор, что я лишен чувства зависти. Нет, вру, я завидую Бунину: ну как ему удастся так найти и соединить слова, что я не только вижу зримо все то, что он описывает, живу среди тех, о ком он говорит, но и наслаждаюсь этими самыми обычными словами. Господи, научи меня так же соединять слова, ведь я рассказываю в своих книгах совсем об ином времени, чем Бунин. Его уже нет, он не сможет рассказать! Ведь Ты, Господи, знаешь, сколько сил и времени я потратил над белым листом бумаги, чтобы найти свои слова, чтобы они вызвали такие же чувства у читателей, какие вызывают во мне строки Бунина и Достоевского...

А современникам своим, особенно тем, с кем знаком, я никогда и ни в чем не завидовал. У меня свой путь, и я почти всего достиг, о чем мечтал в юности, достиг и разочаровался. Единственно, что приносит радость и наслаждение – это литература. Мне хочется повторить еще раз слова, которые я повторил в семнадцать лет: «Жизнь – это литература, а все остальное лишь материал для нее». Мне уже немножко за сорок, и осталась у меня единственная мечта – читать и писать, писать и читать. Все остальное не приносит радости.

Во мне нет зависти, и я думал, что нет ее и в окружающих меня людях. Но я ошибался...

Многие писатели, руководители Московской писательской организации гадали, думали, чем вызвано это письмо, этот донос, с которого начался стремительный крах издательства. Кто стоит за этим доносом? Кому захотелось, кто спланировал уничтожение издательства? Каких только сил не называли, не выискивали! Но никто не произнес это короткое слово – зависть!

Прошел год, ровно год, пишу я эти строки 20 февраля 1992 года, а письмо появилось 18 февраля 1991 года, и теперь, издали, я вижу, что только зависть двигала Бежиным и некоторыми его соратниками. Остальные были просто одурачены.

Но все по порядку. Вы помните, что по идее московских писателей главным лицом в издательстве должен стать Бежин. Он это знал. Я не замечал в ежедневном бурлении его

состояния. Однажды давняя моя знакомая Ирина Аксенова, главный редактор журнала «Нива», сказала мне, шутя:

– Ты, директором став, ничуть не изменился. А каким важным стал Бежин! Прямо очень большой человек. Не подступись!

Я посмеялся и забыл, приняв за обычную иронию, шутку. Но я был не прав. Позже Бежин напечатает большую статью в «Литературной газете» под названием «Как я был большим человеком». Из статьи той видно, что Аксенова права. Он действительно почувствовал себя большим человеком – **ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРОМ**.

Я же никогда не ощущал себя директором. Некоторые друзья говорят, что это и было моей ошибкой. Не знаю! Я вел себя со всеми так же, как и когда был плотником. А Бежин, как все главные редакторы, решил посещать издательство только во второй половине дня и брать творческий день каждую неделю. Когда в журнале «Знамя» готовили к печати мою повесть, я впервые узнал, что главный редактор появляется в редакции один раз в неделю и всего на два часа. Я был страшно поражен. Думается, мою повесть он напечатал, даже не листая.

Вот таким редакторам стал подражать Бежин. Естественно, за те десять-двенадцать часов, которые он проводил в издательстве каждую неделю, нельзя было даже понять, что в нем делается. У меня же рабочий день продолжался, чуть ли, не круглые сутки. Ложился в постель с мыслями

о делах издательства, обдумывал, как быть дальше, засыпал только со снотворным. Все видели, кто из нас как работает, и, естественно, успехи издательства связывали с моим именем. Приезжает телевидение – интервью дает Алешкин, радио – Алешкин, пресса – Алешкин. Я предположить не мог, как мучается он, бедняжка, что нет у него служебной машины, что не подкатывает к его дому мотор. У нас было две машины: на одной я мотался по организациям, на другой – коммерческий директор. Дел у него тоже невпроворот...

Только теперь понимаю я, представляю, сколько бессонных ночей прокрутился Бежин в постели, сколько промучился, бедняга, когда на съезде писателей России меня избрали одним из секретарей, а его просто членом Правления. Бедный Бежин! Прости, не знал я, не представлял, что это имеет для тебя такое значение! Но ты же помнишь, как я хвалил тебя всюду, на радио, с трибуны ЦДЛ, когда у нас была презентация; в первом номере за 1991 год журнала «Полиграфия».

Правда, в те дни, когда я всюду хвалил тебя, говорил, что издательству повезло с главным редактором, называл настоящим интеллигентом, ты бессонными ночами сочинял на меня донос, придумывал, как ловчее преподнести начальству, чтобы одним махом и навсегда уничтожить меня!

Да, я всюду называл Бежина настоящим интеллигентом, не только называл, но и искренне считал таковым. А себя я считал и считаю крестьянским сыном: как родился им, так

и умру, хотя прошел все три слоя общества. До восемнадцати лет я жил в деревне безвыездно. Двухэтажный дом и электрическую лампочку увидел впервые в семнадцать лет, когда в первый раз приехал в город. Школу окончил при керосиновой лампе. С восемнадцати до тридцати трех, то есть пятнадцать лет был рабочим: три года на заводе, а остальные годы на разных стройках. И теперь почти десять лет нахожусь в среде, которая зовется интеллигенцией, более того, творческой интеллигенцией, так сказать, плаваю в сливках общества.

И вот что меня больше всего поразило, когда я переключивался из слоя в слой: самый нравственный, самый чистый, искренний, добродушный и доброжелательный народ – крестьяне. Рабочие уже поразвращенней, понахальнее, но безнравственней, развращенней, пакостней, чем творческая интеллигенция, представить себе трудно. Жалкие людишки, жалкие душонки! Если ты крестьянину не нравишься, так он к тебе и не подойдет, отвернется. А интеллигент, сделав тебе пакость, будет улыбаться, кланяться, жать тебе руку, как ни в чем не бывало. Ты отвернулся, он тут же начнет о тебе гадости говорить, и главное, знает сам твердо, что клеветает, сам в свои слова не верит. Что поделаешь, такой гнилой народишко!

В издательстве на творческих должностях были в основном те, кто знаком со мной давно, с кем я бегал по литстудиям, кто знал меня плотником. А они были в то время уже

научными сотрудниками, обласканными писателями, смотрели свысока, как мельтешит рядом с ними какой-то Петька-плотник.

Первая книга Бежина была сильнее моей, ее заметили, отметили. Он действительно начинал неплохо. Это потому у него стали выходить книги, содержание которых он высасывал из пальца. Да и написаны они до того скучно, что читать их можно, вероятно, только в одиночной тюремной камере, сгорая от скуки.

Думается, зависть здорово пощекотала его и в те дни, когда главы из моего последнего романа напечатали в Германии и Париже журналы «Грани» и «Континент».

Паламарчук тоже начинал сильнее. «Континент» напечатал его значительно раньше. Но жизнь повернулась так, что эти бывшие научные сотрудники оказались в подчинении у бывшего плотника. Как говорят, не шибко радовало этих мелких людишек то, что с обывательской точки зрения у меня неплохо складывалась карьера. В тридцать три года я начал работать простым редактором издательства, а через семь лет стал директором.

Бежин ждал случая, а Паламарчук мелко гадил всегда. Петр Паламарчук в ЦДЛ человек известный. Внешне он всегда неряшлив: волосат, бородат, черен, с круглым выпирающим брюшком. И был он вечно пьян. И очень любил деньги. Нет, не наши деревянные рубли, а доллары. Умрет за доллар. Кинь доллар в вонючую лужу и скажи – можешь взять себе,

но только ползком по луже, – и поползет, еще как поползет. В последнее время часто бывает за рубежом, живет у писателей эмигрантов. Он начитан, поговорить умеет. Работая в «Столице», наверное, больше времени проводил за границей, чем в Москве. Сейчас начинают раскрывать архивы КГБ, и я не удивлюсь, если вдруг выяснится, что он сексот.

3. Развитие действия (продолжение)

Годовщину издательства мы отмечали в ресторане «Прага». Было сто пятьдесят человек. Много писателей. Вспоминаю я этот вечер с некоторым стыдом и рад, что быстро уехал: у меня была больна жена. А стыдно вот из-за чего: после моего поздравления всех с годовщиной и тоста за процветание издательства, слово взял Бежин. Он говорил обо мне, восхвалял ужасно, что, мол, благодаря мне... что, если бы не я... И такой я хороший, и такой я замечательный! Свидетелей его тоста, повторяю, было сто пятьдесят человек. Произнес – выпили.

Следующий тост: заместитель главного редактора журнала «Московский вестник». И опять за меня. Мне уже неудобно. Новый тост – за меня! Думаю – как остановить? А когда один из заведующих отделов издательства поднял бокал за мою жену, не выдержал, выскочил к микрофону и предложил выпить за женщин издательства. После этого я уехал

домой с чувством досады и стыда...

Прошел месяц, и появился донос.

Я со своим заместителем Александром Зайцевым был в Польше. Мы хотели создать совместное предприятие с одной из фирм и по ее приглашению выехали в Варшаву. Перед отъездом я по-дружески попрощался с Бежиным. У нас с ним никогда не было конфликтов, споров. Я забыл рассказать, что однажды Бежин предложил мне в секретари-машинистки одну девушку, а потом женился на ней. Женился долго. Сначала взял отпуск на месяц, потом еще на месяц творческий отпуск, затем по путевке на юг – медовый месяц. Мы подолгу не виделись, помогать он мне в работе не помогал, не мог, не умел, но не мешал работать, и то хорошо.

Руководители Московской писательской организации тоже не мешали мне, я не докучал их просьбами, и они были рады. Наш коммерческий директор Игорь Романович Фомин добился, что ВАЗ выделил для сотрудников издательства две машины, две «девятки». Одну Фомин брал себе, я не возражал. Фомин работал за три отдела. Незаменимый работник! находка для издательства. Не будь его, вряд ли бы мы добились таких успехов.

Вторую машину предложили мне. Но было неудобно брать. Я боялся, что пойдут сплетни: мол, директор гребет под себя. Как это обычно бывает. Фомин уговаривал: бери, все видят, как ты пашешь! Плюнь, бери!.. Я четвертый год стоял в очереди за машиной в Московской писательской ор-

ганизации, надеялся скоро получить и решил вторую «девятку» предложить Бежину. У него в кабинете была жена, моя секретарша. Я сказал, что пришла машина «Жигули», и я предлагаю ее им:

– Берете?

Они переглянулись.

– Берем! – воскликнула жена.

Теперь, когда «девятка» на бирже стоит миллион, Фомин, да и другие мои друзья смеются надо мной: подарил, мол, Бежину миллион, а он тебя за это отблагодарил. Я тоже заметил это: интеллигенция всегда за добро платит пакостью. Крестьяне этого даже понять не могут. Кстати, машину в писательской организации я так и не получил и теперь вряд ли когда получу.

Итак, я в Польше. Ночь, гостиница, я укладываюсь спать. Врывается растерянный Зайцев. Номера у нас разные, одно-местные. И кричит:

– В издательстве бунт!

Я не понял.

– Только что позвонил Дейнека (заместитель директора).

Говорит, тебя отстранили от должности!

– Не может быть! Кто?

– Правление арендаторов.

– А кто организовал?

– Бежин и Панасян.

– Врет!! – воскликнул я. – Они мои давние друзья! Ни

за что не поверю...

– Верь, не верь, – успокаивался Зайцев. – Но Дейнека говорит, Бежин с Панасяном вызвали его, сказали, что КГБ занимается издательством. Ты уличен в каких-то махинациях. У них есть компромат против тебя. Час уговаривали, Дейнека подписал письмо... Говорит, пол-издательства подписалось... Подписал он и давай разыскивать нас в Польше. Весь вечер искал...

– Не может быть! – твердил я. – Он что-то не понял, не может Панасян быть с Бежиным.

Я не верил. В Польше нам оставалось быть еще два дня, и все эти дни я тысячу раз переспрашивал Зайцева о звонке Дейнеки, о мельчайших нюансах. Ночью не спал, размышлял, что произошло, вспоминал: не подписал ли я какой-нибудь компрометирующий меня договор или письмо? Не было этого, я был чист.

«А вдруг коммерческий директор Фомин подписал что, и это всплыло?» – бросало меня в жар.

В Шереметьево нас встретили Фомин и заведующий отделом рекламы и распространения Лидия Романовна Фомина. Ее в издательство привел Бежин, но она первой из всех сотрудников высказала Бежину о безнравственности его письма, первой назвала его бездельником. Еще в Шереметьево я спросил у Фомина:

– Вы подписывали какие-нибудь незаконные договора или письма? Отпустили хоть грамм бумаги без моего ведома?

Только правду!

– Нет! Никогда... – уверенно ответил Фомин.

– Слава Богу! – выдохнул я.

Право третьей подписи было у Бежина. Но это уж его проблемы. Боялся я, что мою подпись подделали, но думал, криминалисты разберутся.

Фомин рассказал мне, что, как только я уехал в Польшу, Бежин принес письмо против меня в издательство и вместе с Панасяном стал обрабатывать сотрудников издательства. К каждому был индивидуальный подход в зависимости от характера и положения.

Анатолию Кончину, да, да, тому самому писателю, который у меня на квартире первым посоветовал идти директором в «Столицу», я его потом взял старшим редактором в редакцию прозы, и он был хорошим редактором, одним из лучших, так вот ему заявили: если он не подпишет письмо, то его выгонят с работы! Об этом он сам рассказывал Валере Козлову и Роману Федичеву. И Кончиц подписал письмо. Он был также членом Правления арендаторов. По характеру Кончиц боязливый человек. Это все знают.

Петр Паламарчук, тоже член Правления, с удовольствием расписался аж три раза. Я потом указал ему на его две подписи на одном листе: он промолчал. Часть подписей под письмом неразборчива, возможно, не только Паламарчук расписался пару раз. Думается, Паламарчук был не один, кого не пришлось пугать, чтобы он подписался. А пугали КГБ,

тогда он был в силе.

Говорили, что я проворовался, что издательством занимается КГБ, что будто бы КГБ дважды забирал Бежина на допросы, что Секретариат меня уже снял: Кобенко просит принести такое письмо от сотрудников издательства, чтобы меня просто отстранить, иначе меня отдадут под суд; что у Бежина есть документы, уличающие меня, но эти документы не хотят отдавать в КГБ, и как только я вернусь из Польши, я сам напишу заявление об уходе в обмен на эти документы. Так говорили Валере Козлову, Лидии Романовне Фоминой, главному художнику Александру Черенкову, вероятно, Дейнеке.

Я ни у кого не выспрашивал, почему он подписался. Кто говорил мне сам, того и называю. Но подписывались не все. Сергею Маркову, заведующему международным отделом, сказали:

– Сережа (он наш общий давний приятель), вот письмо – выбирай: если ты с нами, подписывай, а если с Алешкиным – пеняй на себя!

Марков не подписал. Не подписали даже некоторые младшие редакторы, хотя их судьба полностью зависела от Бежина с Панасяном. А заведующий коммерческим отделом Виталий Иванов вместе с одним из инженеров хотели ворваться в кабинет к Бежину – Панасяну, взять их за горло и отобрать письмо, но Фомин, слава Богу, удержал их от этого. Представляю, сколько было бы визга, если бы это произошло.

Валера Козлов не работал в издательстве, но Бежин с Панасяном отводили ему особую роль. Они обработали его сплетней о КГБ, о том, что Секретариат уже снял меня, что у них документы есть против меня и т. п., и предложили встретиться со мной, уговорить написать заявление об уходе из «Столицы», потом привезти на квартиру к Бежину, где я обменяю свое заявление на документы, компрометирующие меня. Валера им поддакивал, охал, подыгрывал, чтобы выяснить, какими документами они меня шантажируют и что намереваются делать дальше.

Прилетел я из Польши в пятницу вечером, а в субботу или в воскресенье Козлов должен был привезти меня к Бежину. В субботу я встретился с Валерой у Романа Федичева, и они ввели меня полностью в курс всех сплетен, родившихся после письма. Кстати, некоторым колеблющимся подписать письмо Бежин с Панасяном говорили, что письмо не понесут в Секретариат до моего приезда. Но как только подписались те, кто хотел подписаться, письмо понесли к Владимиру Гусеву. Он сменил Александра Михайлова на посту Председателя Правления Московской писательской организации. Гусев ничего не стал предпринимать до моего приезда.

После разговора с Козловым и Федичевым у меня полностью сложился план действий. И до самого конца я от него не отступал. Ничего страшного из всех сплетен для себя я не видел. Это был очевиднейший бред, которому легко верят

обыватели, но который легко разбивается фактами.

А Бежин с Панасяном ждали звонка от меня или от Валеры Козлова. Звонка нет. Валера не собирался им звонить. В воскресенье они не выдержали, позвонили мне сами. Взяла трубку Таня, моя жена. Бежин попросил меня. И Таня вдруг, даже неожиданно для себя самой, сказала:

– Петя узнал о вашем доносе и остался в Польше, попросил политического убежища! – И положила трубку.

Я заржал, именно заржал. Такого интереснейшего хода я не ожидал от своей жены. Позже я узнал: у Бежина с Панасяном был шок. Они стали обзванивать всех своих содоносчиков, искать телефон Зайцева, чтобы узнать, правда ли это. Зайцева они нашли только вечером. Он мне позвонил и рассказал, как его искали. Представляю, веселенький был денек у Бежина – Панасяна.

Утром в понедельник я написал письмо в Секретариат с просьбой прислать в издательство Ревизионную комиссию для проверки, отвез Гусеву, не заезжая в «Столицу», а в издательстве сразу собрал совместное заседание Правления арендного коллектива, Дирекции и Главной редакции, то есть всех руководителей. Это заседание я полностью записал на пленку. Она хранится у меня. Перед заседанием Бежин с Панасяном, растерянные и наглые, затащили меня в кабинет, где столы их были напротив, и предложили отставить заседание, поговорить. Я отказался разговаривать с ними. На заседании Бежин попытался перехватить иници-

ативу, перебил меня, зачитал письмо, знакомое всем. Пора и вам познакомиться с ним.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА №

заседания правления арендаторов издательства «Столица» от 18 февраля 1991 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

В связи с развалом работы издательства, срывом выпуска плановых книг, разбазариванием бумаги, порочной кадровой политикой, авантюристическим стилем работы и созданием неблагоприятной атмосферы в коллективе, а также ввиду отсутствия личных качеств, необходимых для управления большим коллективом:

1. Освободить Алешкина П. Ф. от занимаемой им должности директора.
2. Назначить и. о. директора Мансурова С. Г.
3. Создать временный комитет по выводу издательства из кризисной ситуации на три месяца в составе пяти человек: Бежин Л. Е., Мансуров С. Г., Зайцев А. Б., Палехова Н. С., Игнатъева В. И.

Члены правления арендаторов:

*Бежин Л. Е., Иванов М. М., Игнатъева В. И., Конщик А. А.,
Паламарчук П. Г., Палехова Н. С., Панасян С. А.,
Романов Б. Н.*

И коллективное письмо, слово в слово повторяющее По-

становление.

В дни так называемого августовского «путча» я веселился, хохотал не только потому, что весь «путч» с первой минуты казался мне глупейшей имитацией, но и потому, что этот «путч» как две капли воды походил на события в «Столице». Я смеялся, говорил многим: зря Янаев не посоветовался с Бежиным, он бы узнал, чем такие «путчи» заканчиваются! Происходило то же самое, только в масштабах страны. Произошел «путч» также, когда президента не было в Москве; Горбачева также пытались шантажировать, чтобы он написал заявление об отставке; также был создан комитет по выводу страны из кризиса; такие же сплетни-указы лились, только в масштабах страны. И, вот уж чертово число, минипутчистов в «Столице» тоже было восемь человек. И главное, так же, как и СССР, «Столица» развалилась после минипутча.

После того как Бежин зачитал письмо, я сказал, что до сих пор считал, что такие истории случаются только в романах, представить себе не мог, что такое может случиться со мной, тем интереснее мне будет следить и участвовать в этой истории для того, чтобы использовать этот материал в будущем произведении. Это у меня записано на пленку, можно проверить. Я легко отмел все сплетни, которые распускались содоносчиками. Были сплетни до смешного глупые: например, меня обвиняли в том, что я устроил в издательство своего племянника. У меня много племянников, все они в деревнях

и поселках далеко от Москвы, и ни один из них не достиг трудоспособного возраста. Это же все легко проверить.

Обвиняли в том, что мы отняли у журнала «Московский вестник» четыреста тысяч рублей. Журнал выпускала «Столица», своего счета у него не было. Журнал убыточный. Сплетня – бред, но как отголосок до сих пор возникают за столами ЦДЛ эти злополучные четыреста тысяч рублей. Сплетня трансформировалась, и теперь говорят, что не «Столица» украла четыреста тысяч рублей у «Московского вестника», а лично я украл эти деньги у «Столицы». Целый ряд таких бредовых сплетен, любезных обывателю и потому неистребимых за пьяными столами, я легко отмел. Труднее было отмести главное обвинение, что я разбазарил бумагу. Это обвинение могла снять только Ревизионная комиссия, которую я вызвал.

Второе обвинение: зачем мы выпустили книгу Агаты Кристи «Десять негрятят» совместно с кооперативом? Стидно «Столице» опускаться до Агаты Кристи! Вот так...

Мой заместитель по производству Иванов М. М., один из содоносчиков, привел однажды ко мне своего знакомого кооператора с проектом договора на издание книги Агаты Кристи. Мы предоставляем им свой товарный знак, а они самостоятельно издадут книгу и выплачивают за нашу подпись десять процентов от стоимости книги. Я без колебаний согласился. Будучи председателем «Глагола», я тоже за подпись платил издательствам деньги. Книга вышла, и бежинцы

посчитали, что «Столица» унижена именем Агаты Кристи. Бред, но что поделаешь, когда нет других аргументов – все средства хороши.

И третье обвинение, которое будет тянуться через все будущие Секретариаты и пленумы: зачем я пригнул малые предприятия, которые выращивают картошку и торгуют мороженым. Так я и не смог никого убедить, что нет у нас ни одного малого предприятия, выращивающего картофель и торгующего мороженым. Ну, нету, нету! Я рад был бы, если бы оно было, но картошку выращивать трудно и малоприбыльно. Никто у нас этого не делает. Так и не поверили...

Особенно пытался казаться оскорбленным Владимир Малягин, заведующий редакцией критики и драматургии. Работник он хороший, ответственный, не равнодушный, говорит, что верит в Бога, посещает церкви. Лицо у него выразительное. Художнику, ищущему натуру для образа Иуды, лучшего типажа представить нельзя. Серое круглое лицо, маленькие блуждающие глазки и реденькая бороденка. Клеветал он больше других, активно. Меня так и подмывало спросить у него: послушай, ты веришь в Бога, а Бог-то знает, что я чист, что я ничего дурного в «Столице» не сделал! Как же ты не боишься, что Бог накажет тебя за твою гнусность? Долго тебе отмаливаться придется...

Малягин на том заседании заявил, что, если комиссия скажет, что я ничего не украл, он уйдет из издательства. Кстати, ушел... Он очень боялся, что я буду мстить. А за-

чем мстить? Я заметил, что жизнь устроена так, что любая подлость бывает наказана еще при жизни. Любая! Какой-то есть закон, какая-то сила существует. Вы когда-нибудь видели счастливым подлеца? И я нет!

На заседании главный художник Черенков отказался от своей подписи, и часть заведующих из подписавших заявила, что у них нет ко мне никаких претензий и что они считают, что, если я уйду, издательство от этого ничуть не выиграет. А те, что не подписали, четко и ясно высказали свое мнение Бежину. Покраснеть ему, бедняжке, пришлось, особенно во время выступления Лидии Романовны Фоминой. Она сказала ему все, что я не мог сказать из этических соображений, потому что это касалось меня.

Первый бой я не выиграл, но и не проиграл. Это было первое столкновение, первая проба сил. Но после него я понял, что работать в издательстве не буду. Докажу, что прав, и уйду. Уйду победителем. Даже наметил дату ухода – 12 апреля. Уйду сначала в отпуск, а потом напишу заявление.

После заседания в три часа дня я назначил общее собрание коллектива издательства. Прошло оно бурно, эмоционально. Я его тоже записал на диктофон. И здесь я пока не выиграл, но многим стало ясно, в какую вонючую тину их затащил Бежин. Панасян молчал. На заседании, когда я дал ему слово, только произнес: я согласен с Бежиным. И все. Он будет присутствовать на всех Секретариатах, пленумах, но не проронит ни одного слова.

Петр Паламарчук уверял же меня в кулуарах, что он ничего против меня не имеет, хочет одного, чтоб выходили книги. Раскроется он, выступит открыто позже, а пока клеветает за столами ЦДЛ и очень часто вспоминает молодогвардейскую историю. Очень часто. Она снова возникает и начинает раздуваться. История эта неприятна для меня, и часто мои недруги, даже зная, что она липовая, раздувают ее, чтобы нагадить мне. Пытались пакостить мне и тогда, когда возникла моя кандидатура на должность директора. Думается, будут пакостить и впредь. Поэтому мне хочется рассказать о ней подробно.

4. Отступление

Тихий конфликт в «Молодой гвардии»

В 1982 году я стал работать в издательстве «Молодая гвардия» редактором, а в 1985 году меня назначили заведующим редакцией художественной литературы для подростков. Спокойно работать я не мог, выдумывал серии, новые книги и решил там воплотить свою мечту: создать ежеквартальный журнал, где бы я был хозяином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.